

P.O. rel. 3306

Michailowitsch

СВЯТКИ.

С В Я Т К И.

Mich

МИХАИЛА МИХАЙЛОВА.

О моя юность! о моя свѣжесть!

ГОГОЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 10-го ноября 1853 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ.

I.

БАБУШКИНЪ ДЕРЕВЕНСКІЙ ДОМЪ.

Мнѣ было лѣтъ десять отъ роду, я ходилъ еще въ красной рубашкѣ съ кожанымъ поясомъ, а при торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ даже кисейные панталончики, обшитые кружевомъ, въ ту зиму, которую провелъ я въ деревнѣ возлюбленной бабушки моей Алёны Михайловны. Какъ памятна ты мнѣ, далекая пора! какъ бьется мое сердце при мысли о панталончикахъ, обшитыхъ кружевомъ, о красной рубашкѣ! какъ хочется мнѣ помолодѣть пятнадцатью годами, когда я думаю о барскомъ домѣ бабушкиной Кириловки! Почему, по какому поводу попалъ я въ этотъ домъ именно зимой — я теперь рѣшительно не знаю; помнится мнѣ только, что

эта зима было единственное время, прожитое мною подъ деревенскою кровлею бабушки; какъ бывають весна, лѣто и осень въ ея помѣсть — я не видалъ. Собственно говоря, и зиму - то приходилось мнѣ созерцать большею частью изъ оконъ, сквозь двойныя стекла двойныхъ рамъ. Впрочемъ бабушка считала необходимою давать мнѣ подышать чистымъ воздухомъ ежедневно послѣ ранняго деревенскаго обѣда: я облачался въ очень теплую и вмѣстѣ съ тѣмъ очень некрасивую одежду, которую нянюшка Ооминишна величала капотомъ, и выходилъ на высокое такъ — называемое парадное крыльцо. Тутъ могъ я, если желалъ и если не боялся сломать шею, прыгать со ступеньки на ступеньку, могъ, сколько душѣ угодно, тереться и кружиться около жиденькихъ деревянныхъ колонокъ, довольно ненадежно поддерживавшихъ тяжелый и нескладный навѣсъ крыльца; но этимъ и должны были ограничиваться мои прогулки: сильное желаніе промочить, побѣгавъ по снѣгу, широкіе валеные сапоги, которое я очень часто чувствовалъ, никогда не осуществлялось, пото-

му - что Оленька всегда останавливала меня. А
еще Оленька была мнѣ большая пріятельница,
и на дню разъ пять принималась играть со мною
въ карты — въ дурачки, въ мельники, или въ
фофаны. И какимъ восхитительнымъ, звонкимъ
какъ серебро смѣхомъ хохотала круглолицая
Оленька; какъ весело блестѣли ея бѣлые и ров-
ные, словно подобранные одна къ одной жем-
чужины, зубки, когда ей удавалось сплутовать,
а я этого не замѣчу, или когда мнѣ приходи-
лось называться плачевнымъ именемъ фофана!
Оленька была пятнадцатилѣтняя воспитанница
бабушки Алёны Михайловны, и ей обыкновенно
поручалось сопровождать меня въ прогулкѣ мо-
ей по крыльцу. Я всегда завидовалъ Оленькѣ,
что когда ей вздумается выйти на морозъ, ни-
кто не станетъ принуждать ее напяливать на
голову тяжелую ваточную шапку съ суконными
ушами, надѣвать неуклюжій капотъ, который не
позволяетъ шагу сдѣлать свободно, и наконецъ
обременять себѣ ноги теплыми сапогами: на-
кинула на голову большой платокъ, или просто
кацавейку на плечи — и все тутъ. Желаніе мое

побѣгать по двору должно было оставаться не
болѣе, какъ желаніемъ, преимущественно пото-
му, что по двору побѣгать было рѣшительно не-
гдѣ, не рискуя увязть по уши въ снѣгу: не-
обыкновенно снѣжная зима сдѣлала его на ту
пору огромнымъ сплошнымъ сугробомъ, и только
двѣ узкія тропинки были по немъ пробиты: одна
вела къ банѣ, другая—къ застольной избѣ; даже
у подъѣзда снѣгъ не расчищали.

Зато, сколько хотѣлъ, могъ я разгуливать по
огромному дому бабушки, а вособенности по
многооконной, длинной, широкой и высокой залѣ;
только на утлые хоры, ежеминутно грозившіе
обрушиться, не позволялось мнѣ взбираться, какъ
ни заманчивы казались мнѣ походы по этой
грозной вышкѣ. Когда я бѣгалъ по залѣ взадъ
и впередъ, и покрикивалъ на свои ноги, какъ на
пару рысаковъ, меня особенно тѣшило то обстоя-
тельство, что бѣгая по полу, я какъ-будто кричу
въ то же время съ потолка, смотрѣвшаго угрюмо
и сѣро, словно осеннее небо... Стѣны были не-
много повеселѣе: ихъ, видно, все-таки, хоть и
не часто, подмалевывали да подбѣливали; пото-

локъ же былъ совершенно лишенъ такого вниманія, вѣроятно потому, что находился слишкомъ высоко. Стулья, тѣснымъ рядомъ стоявшіе около стѣнъ, служили мнѣ тоже немалымъ развлеченіемъ: я любилъ, перепрыгивая съ одного стула на другой, совершать такимъ-образомъ путешествіе вокругъ всей залы. Подушкамъ стульевъ нечего было бояться моихъ мягкихъ подошвъ: онѣ испытали уже на себѣ и жесткіе зубы времени, подъ которыми расползлось сукно ихъ и разлѣзлись шелковые узоры, выведенные искусными руками по этому сукну... И сколько такихъ искусныхъ рукъ работало надъ подушками, вышивая ихъ разноцвѣтными шелками на приданое бабушкѣ Алѣнѣ Михайловнѣ! Впрочемъ нѣтъ въ томъ ничего удивительнаго, что сукно и шелкъ успѣли истереться и износиться со времени свадьбы моей возлюбленной бабушки: вѣдь и она-то сама—она, въ невѣстахъ походившая, по собственнымъ ея словамъ, на спѣлое, наливное яблочко—съежилась и измялась, словно яблочко, вынутое изъ раскаленной печки.

Еще болѣе слѣдовъ оставило безпощадное время

на мебели и стѣнахъ сумрачной и непригляд-
ной гостиной, и никто не заботился загладить
эти слѣды: подклеить темные обои, которымъ
золотыя блѣстки, разсыпанныя по ихъ когда-то
фіолетовому фону, вовсе не сообщали ни красы,
ни привѣтливости, и перемѣнить или по край-
ней мѣрѣ починить вытершуюся и полинявшую
матерію, которою была обита мебель. Не весе-
лѣе была гостиная и отъ огромнаго портрета,
висѣвшаго на главной стѣнѣ ея, надъ старомод-
ною софою: надо отдать справедливость этому
портрету — лицо у него было совершенно корич-
невое, а бѣлковъ глазъ было вовсе не видно подъ
слоемъ старой, вѣвшей въ полотно пыли.

Обѣ комнаты эти были вѣчно пусты, и дверь,
ведшая изъ гостиной въ комнату бабушки, была
постоянно затворена. Вѣроятно только со вре-
мени моего пріѣзда къ бабушкѣ голосъ живаго
человѣка сталъ довольно часто раздаваться въ
этихъ холодныхъ и непріютныхъ комнатахъ.

Но какъ тепло, какъ уютно было во всѣхъ
остальныхъ покояхъ бабушкина дома! съ какимъ
удовольствіемъ припоминаю я и комнату самой

бабушки, всю обставленную кругомъ мягкими диванами, устланную коврами, и маленькую коморку, гдѣ была моя постель, охраняемая Ооминишной, и спальню трехъ воспитанницъ бабушки, гдѣ стояли три кроватки ихъ съ такими бѣлыми занавѣсками, и даже дѣвичью, днемъ темную отъ высокихъ елей, росшихъ у самыхъ оконъ ея, въ саду, а вечеромъ свѣтлую отъ множества свѣчей на длинныхъ столахъ, за которыми сидѣло съ работою чуть не двѣнадцать горничныхъ, и отъ весело пылающей печки! *Садикъ*

О, какъ хорошо прожилъ я ту давнюю зиму въ деревенскомъ домѣ бабушки! Даже мысль о букѣ, нерѣдко беспокоившая меня въ ту пору, не уменьшила ни на волосокъ моей симпатіи къ этому милому дому.

II.
Б У К А.

Вамъ конечно нечего объяснять, благосклонный читатель, кто такой — бука: вы сами (я въ томъ увѣренъ) страшились въ дѣтствѣ не мѣнѣе, чѣмъ я, этого таинственнаго джентльмена, котораго ни вамъ, ни мнѣ не случалось видѣть, но существованіе котораго ни вы, ни я не считали сказкой, сочиненной няньками для острастки ихъ питомцевъ.

По моимъ тогдашнимъ понятіямъ, стоило только погасить вечеромъ свѣчи въ комнатѣ, чтобъ бука непременно явился тутъ посреди милаго ему мрака, стоило даже оставить хоть одинъ уголокъ комнаты неосвѣщеннымъ, чтобъ бука немедленно уgnѣзвился въ этомъ углу; но главнымъ

*

мѣстопробываніемъ буки въ домъ бабушкиной Кириловки считалъ я залу и гостиную — разумѣется по вечерамъ, когда тамъ не зажигалось ни единой свѣчки, и царствовала глухая и мертвая пустота.

Оленька любила подтрунивать иногда надъ моею боязливостью и, бывало, когда я сидѣлъ вечеромъ около бабушки, глядя, какъ бабушка раскладываетъ нескончаемый гранпасьянсъ, она говорила мнѣ съ лукавой усмѣшкой:

— Миша, кто это въ гостиной загомоzился?

Холодъ пробѣгалъ при этихъ словахъ по моей макушкѣ; но, не желая обнаружить трусость, вовсе неприличную такому кавалеру, какъ я, и стараясь казаться, сколько возможно, спокойнымъ, я обыкновенно отвѣчалъ Оленькѣ:

— Никого тамъ нѣтъ; это такъ тебѣ почудилось, Оленька.

— Какъ нѣтъ? слышишь: возится кто-то, говорила Оленька, обративъ одно ушко къ двери. — Да, возится, возится, подтверждала она, прислушиваясь.

Я уже ничего не отвѣчалъ.

— Миша, продолжала Оленька: — поди-ка, посмотри, кто это тамъ!

— Да право же, Оленька, никого тамъ нѣтъ, принимался я убѣждать шалуню, и въ голосъ моемъ была уже очень слышна сильная робость

Теперь я могу, нимало не компрометируя себя, признаться, что я надѣялся тогда своимъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ разжалобить если не Оленьку, то хоть бабушку; но бабушка хранила молчаніе, и не только не думала защищать меня отъ нападокъ своей воспитанницы, но еще насмѣшливо улыбалась... И Оленька продолжала допекать меня.

— Ага, боишься!

— Вовсе не боюсь, отвѣчалъ я очень нерѣшительно.

— Такъ отчего же нейдешь посмотреть?

— Да что же, что же смотрѣть тамъ? вѣдь тамъ никого нѣтъ.

— Ахъ ты трусишка! воскликнула Оленька, вскакивая съ мѣста. — А вотъ я пойду и посмотрю — не то, что ты; а еще тоже кавалеръ!

— И я пойду, и я не боюсь, произносилъ я, медленнымъ и нерѣшительнымъ шагомъ идя къ двери.

Но Оленька была проворнѣе меня.

— Кто тамъ? восклицала она, полуотворивъ дверь.

«А-а!» откликалось въ залѣ.

Тутъ и я, съ трудомъ подавляя въ себѣ страхъ, подходилъ къ Оленькѣ.

— Какъ же ты говорилъ, обращалась она ко мнѣ: — что никого тамъ нѣтъ? вотъ послушай-ка!

Нечего дѣлать, я слушалъ.

— Кто тамъ? повторяла Оля.

«А-а!» раздавалось снова.

— Слышишь: отвѣчаетъ; это бука тамъ сидитъ.

Я не радъ бывалъ жизни, когда Оленька брала меня за плечи своими пухлыми ручками (а ручки были прехорошенькія), и заставляла хотя-не-хотя взглянуть во мракъ, господствовавшій въ гостиной и залѣ — мракъ, который казался еще густѣе и страшнѣе отъ узкой полосы свѣта, вы-

преддано!
даван!
Андрей

скальзывавшей сквозь полуотворенную дверь изъ комнаты бабушки и ложившейся на полу гостиной; смертельно опасался я, чтобы шалуныя Оленька, пользуясь тѣмъ, что я въ ея власти и рукахъ, не вздумала вытолкнуть меня въ гостиную и припереть за мною дверь. Она нерѣдко стращала меня этимъ, наклоня мою жиденькую фигуру за плечи впередъ, въ темную гостиную, и громко произнося: «Бука, возьми его!» на что изъ залы откликался, какъ мнѣ думалось тогда, бука, словно одобрительно отвѣчалъ: «Хо-ро-шо!»

Впрочемъ только однажды вытолкнула меня Оленька въ страшную, черную ночь гостиной; дверь однакожъ за мною не заперла—лишь слегка притворила ее. Я какъ теперь помню неописанный испугъ, охватившій всего меня, отъ темени и до пятокъ, когда очутился я одинъ, безъ всякой защиты, во владѣнiяхъ суроваго буки. Вѣроятно желая прогнать этотъ испугъ, или хоть чѣмъ-нибудь оградить себя отъ внезапнаго нападенiя, я вдругъ крикнулъ довольно громко, но перерывающимся голосомъ: «Бука, я тебя не боюсь!» Боже мой! что это я надѣлалъ, несча-

стный? Не словесный отвѣтъ на мое дерзкое и безразсудное восклицаніе послышался изъ залы; нѣтъ, мнѣ показалось (какое показалось! слышалъ я — и слышалъ такъ же хорошо, какъ слышу теперь скрипъ моего пера), затопали тамъ чьи — то тяжелыя ноги, заворчалъ кто — то глухо и сердито, и сильно дунуль на меня холодомъ. «Ай, ай!» закричалъ я, какъ сумасшедшій, вбѣгая въ комнату бабушки.

Блѣдный и весь дрожащій, я впрочемъ не возбудилъ на этотъ разъ ни въ комъ ни малѣйшаго состраданія, какъ вообще не возбуждалъ его никогда своею букобоязнью. Бабушка преспокойно сидѣла, поджавъ ножки, на диванѣ, продолжала раскладывать свой гранпасьянсъ и насмѣшливо улыбаться; двѣ взрослые воспитанницы ея, Танечка и Катенька, тоже очень спокойно сидѣли около бабушки съ рукодѣльемъ, и тоже слегка усмѣхались.

Не думайте, чтобы такія шуточки Оленьки надо мной хотя сколько-нибудь нарушали искреннюю привязанность мою къ этой милой дѣвушкѣ. Даже въ минуты, слѣдовавшія непосред-

ственно за минутами испуга, я никакъ не могъ сердиться на нее: ну, есть ли какая-нибудь возможность негодовать, когда двѣ свѣжія губки начнутъ безъ устали цаловать тебя, маленькія ручки обоймутъ голову твою, а потомъ достанутъ изъ кармана или пряникъ, или горсть сушеныхъ ягодъ, или яблоко, и вручатъ тебѣ это лакомство? *сестра уличная*

Оленька, Оленька! пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобой. Не разъ случалось мнѣ съ тѣхъ поръ полюбить и разлюбить; только тебѣ остался я вѣренъ — чуть ли даже не больше прежняго люблю я тебя теперь... А между-тѣмъ тебѣ ужъ тридцать лѣтъ, ты вѣрно давно замужемъ, и можетъ-быть такъ же звонко, какъ нѣкогда ты, хохочетъ въ твоёмъ домѣ, и шалить, и рѣзвится другая, такая же, какъ нѣкогда ты, хорошенькая Оленька...

III.

БАБУШКА И ЕЯ ВОСПИТАННИЦЫ.

Вы уже знаете, что у бабушки моей были три воспитанницы : Танечка, Катенька и Оленька. Съ Оленькой вы отчасти знакомы: теперь мнѣ слѣдуетъ познакомить васъ съ другими воспитанницами бабушки и съ нею самою.

Вы конечно, такъ же, какъ и я , уважаете старость и отдаете ей должное предпочтеніе передъ неопытною молодостью, а потому мы и поговоримъ сначала о бабушкѣ.

Главнымъ свойствомъ бабушки моей была примѣрная, рѣдкая въ наше время доброта. То, что она смѣялась надъ моею глупой трусостью, насколько не убавляетъ цѣны у ея добрейшаго сердца; бабушка любила въ мужчинѣ отваж-

ность и воинственность; качества эти казались и мнѣ необходимыми для настоящаго кавалера, а потому я даже и тогда вовсе не досадовалъ на бабушку за ея смѣхъ надо мной, сильно досадуя только на самого себя за недостатокъ въ себѣ храбрости. Конечно годы, прожитые бабушкою на Божьемъ свѣтѣ, были тому виною, что во рту у нея осталось напередѣ всего два верхніе зуба; к несчастью и тѣ несовсѣмъ твердо сидѣли на своихъ мѣстахъ, и когда бабушка говорила, задѣвали нерѣдко за ея нижнюю губу. Это грустное обстоятельство сначала нѣсколько смущало и беспокоило меня; но потомъ я такъ къ нему привыкъ, что, кажется, если бъ у бабушки вдругъ очутились во рту на прежнихъ мѣстахъ всѣ потерянные ею зубы, лицо ея утратило бы въ моихъ глазахъ часть своей привлекательности. Всѣ черты его были просты и мягки; вы не нашли бы въ нихъ большой правильности, но зато не нашли бы и ничего непріятнаго, рѣзкаго, что встрѣчается такъ часто и въ очень правильно очерченныхъ лицахъ. Лицо бабушки все дышало кротостью, добротой и простотой, хотя, какъ

дальше вы увидите, бабушка бывала подчасъ
себѣ на умѣ, хитрить умѣла. Припоминая те-
перь ея лицо, я думаю, что въ молодости она
была точно похожа, какъ сама выражалась, на
наливное яблочко, и именно такъ похожа, какъ
вотъ похожа на него Танечка, и была такою же
свѣжею, круглолицею красавицей. Это думаю
я, разумѣется, теперь; живя въ Кириловкѣ, я
никогда не думалъ искать въ Танечкѣ сходства
съ бабушкой: вѣдь у бабушки были въ ту пору
и волосы сѣдые, и брови тоже съ просѣдью;
рѣсницы словно полиняли, или будто кто-нибудь
ихъ подпалилъ; а ужъ что хуже-то всего, такъ
это то, что по вечерамъ бабушка смотрѣла на
свой чулокъ, на гранпасьянсъ, и даже на во-
спитанницъ своихъ и на меня сквозь круглые
какъ два ^{5. Директ} пятака очки въ неуклюжей серебря-
ной оправѣ. Глаза у бабушки сдѣлались плохи,
какъ я полагаю, просто отъ старости (вѣдь легко
сказать: семьдесятъ два года; а каково-то ихъ
прожить?)... Ни большою, ни маленькою рукодѣль-
ницей она никогда не бывала; не охотница была
и до чтенія: слѣдовательно зрѣнія не утруждала.

Я уже говорилъ, что главнымъ свойствомъ бабушки была примѣрная доброта. Въ доказательство этой доброты я укажу на заботы ея и попеченія о воспитаніи трехъ дѣвушекъ, росшихъ подъ ея кровомъ. Не думайте впрочемъ, что благодѣтельность Алёны Михайловны ограничивалась только ими; о нѣтъ, трижды нѣтъ: по крайней мѣрѣ столько же дѣвушекъ сиротокъ воспитала бабушка на своихъ глазахъ и уже пристроила, то-есть выдала замужъ за хорошихъ, надежныхъ людей. Кромѣ того, были у бабушки и два воспитанника: одинъ что-то неудачный вышелъ, завихрился далеко куда-то и вѣсти оттуда не подаетъ (охъ, молодость! молодость! вѣтрена, забывчива); ну, а другой зато постоянно радовалъ бабушку своими успѣхами, получилъ наконецъ офицерскій чинъ и собирался къ Святкамъ пріѣхать въ Кириловку, о чемъ извѣщалъ бабушку обстоятельнымъ письмомъ, которое было прочитано во всеуслышаніе Танечкою... Хотя Танечка, не имѣя большаго навыку читать писанное, читала довольно вяло, однако письмо было всѣмъ очень пріятною вѣстью.

Обращаясь теперь къ бабушкинымъ воспитанницамъ, я считаю нужнымъ сообщить читателю о возрастѣ этихъ милыхъ барышень. Танечкѣ было восемнадцать лѣтъ; Катенькѣ шелъ семнадцатый годокъ. Изъ этого прямо, логически слѣдуетъ, что и Танечка, и Катенька заплетали волосы свои въ одну косу и утверждали ее у себя на затылкѣ, тогда-какъ Оленькѣ, еще неимѣвшей права называться невѣстою, приходилось заплетать волосы въ двѣ косы, окружать ими свою головку и связывать ихъ напередѣ черною ленточкой. Черная ленточка, помню, шла какъ нельзя болѣе къ свѣтлымъ волосамъ Оленьки. Волосы Кати были такъ же свѣтлы, какъ оины, у Тани—немного потемнѣе; но у всѣхъ трехъ барышень были удивительныя косы—густыя, ровныя, длинныя. Не даромъ бабушка покупала всегда большіе запасы розовой помады у торгоша, странствовавшего съ разнымъ товаромъ раза два въ годъ по окрестнымъ деревнямъ и для почину заѣзжавшаго обыкновенно въ Кириловку, къ тароватой Алёнѣ Михайловнѣ. У этого же бродячаго торгоша покупала бабушка

↙ + всякіе ситчики да холстиночки на платьѣ сво-
имъ воспитанницамъ, также платочки и косы-
ночки; если же случатся хорошія сережки, то
и сережки купить. Объ одеждѣ для самой себя
бабушкѣ нечего было заботиться: у нея въ сун-
дукахъ хранилось нѣсколько ваточныхъ капо-
товъ, которымъ, какъ она говорила, износу нѣтъ;
+ вотъ развѣ кисейки или полубатисту придется
купить — для чепца... А много-таки, я думаю,
выходило у бабушки кисейки на каждый че-
пецъ: оборки были — что твой вѣеръ; но —
не въ оборкахъ дѣло. Изъ того, что я успѣлъ
сказать, вы можете видѣть, что бабушка забо-
тилась о туалетѣ своихъ барышень... Барышни
были всегда очень мило и тщательно одѣты. Ко-
нечно шелковыхъ платьевъ ни у одной изъ нихъ
не имѣлось, да по - моему шелковыя платья въ
деревнѣ — излишняя роскошь. Конечно иная
губернская щеголиха можетъ-быть и поглуми-
лась бы надъ покроемъ ихъ платьевъ, да вѣдь
онѣ, опять скажу, не въ городѣ и живутъ. За-
то ужъ — свое рукодѣлье, а губернская-то ще-
голиха, смотришь, иглы не умѣетъ въ руки

взять... смѣяться—то вотъ только наше дѣло. Хорошо ли, дурно ли были скроены платья у Танечки, Катеньки и Оленьки, только и въ этихъ платьяхъ дѣвушки были на мой вкусъ — просто прелесть: полныя, здоровыя, свѣжія, бѣлыя и румяныя, круглолицыя. Будь Оленька ростомъ равна съ двумя старшими дѣвушками, да не плеті волосы въ двѣ косы, кажется сразу и не отличить бы моихъ деревенскихъ красавицъ другъ отъ дружки; а между-тѣмъ онѣ, какъ всмотрѣться хорошенько, вовсе не походили одна на другую. У Танечки были, какъ сказано, волосы темнѣе олинхъ и катинхъ, къ тому жъ когда она улыбалась, на щекахъ ея являлись восхитительныя ямки, чего не было у двухъ другихъ. (Я не могу забыть, какая глупая рожа отражалась въ зеркалѣ, когда я, думая произвести на лицъ своемъ искусственнымъ образомъ такія же плѣнительныя ямочки, принялся свер-
лѣть себѣ щеки пальцами.) У Катеньки носикъ смотрѣлъ немножко кверху, очень впрочемъ граціозно, и губки у нея были пухлѣе, чѣмъ у Тани и у Оли. Оленька особенно отличалась отъ

старшихъ дѣвушекъ глазами. Что́ это были за чудные глаза — большіе, открытые, темнокаріе, чуть не черные, съ заломленными кверху длинными рѣсницами. По моему тогдашнему мнѣнію, при которомъ впрочемъ я и теперь остаюсь, Оленька была миловиднѣе и Танечки и Катеньки; по общему же домашнему мнѣнію, красивѣйшею изъ трехъ барышень считалась Таня. Оно и понятно: Танѣ восемнадцать лѣтъ, Таня по преимуществу невѣста, потому-что старшая — ей и почетъ. Ну, а Оленька что? и не дѣвушка еще, а дѣвочка: вѣдь ей всего пятнадцать лѣтъ. Не думаю, чтобъ общее мнѣніе, отдававшее предпочтеніе Танечкѣ, было основано на болѣе раціональныхъ соображеніяхъ. Танечка вѣрно не находила это мнѣніе несовсѣмъ непогрѣшительнымъ (какимъ нахожу и находилъ его я): сколько помню, она была всегда и ловче другихъ одѣта, и съ болѣею тщательностію причесана, и въ зеркало чаще посматривала.

Та губернская щеголиха, которая нашла бы дурнымъ и несовременнымъ покрой платья на-

шихъ барышень, непременно сказала бы о нихъ (и при этомъ наморщила бы носъ) еще вотъ что: «Онъ просто деревенщина—такія необразованныя!» Точно, ни одна изъ бабушкиныхъ воспитанницъ не говорила по-французски, не играла на фортепіано и никогда не занималась чтеніемъ (даже и русскихъ книгъ); это-то и назвала бы губернская щеголиха необразованностью. Но... но... (пусть осыплютъ меня упреками и язвительными словами всѣ, кому это не понравится!) проходя мое жизненное поприще, я имѣлъ счастье быть знакомымъ съ такимъ множествомъ образованныхъ дѣвицъ, которыя во — первыхъ отлично говорятъ по-французски, произнося / mouillé какъ урожденные Парижанки, во-вторыхъ превосходно играютъ на фортепіано, и вальсы и мазурки Шульгофа исполняютъ съ тѣмъ же шикомъ, какъ онъ самъ, и наконецъ въ-третьихъ очень хорошо знакомы съ русскою и иностранными литературами (странно, что фамилію Лермонтова произносятъ онъ всегда à la française, словно онъ былъ Французъ — Lérmontoff)... да, я имѣлъ счастье быть знакомымъ

гдѣ правленіи

Ирина

Ирина

съ такимъ множествомъ образованныхъ дѣвицъ,
что подобныя дѣвицы мнѣ теперь вовсе не въ
диковинку, и я за дюжину ихъ не отдалъ бы
одной необразованной Оленьки.

IV.

КАБЪ ЖИЛОСЬ У БАБУШКИ.

Если васъ, добрый читатель, заманило про-
бѣжать мой рассказъ заглавіе, данное ему мной,
то вы конечно уже готовы спросить меня: ко-
гда же дойдетъ дѣло до Святковъ? Подождите не-
много! Чтобы присутствовать на этомъ семей-
номъ праздникѣ въ барскомъ домѣ незабвенной
для меня Кириловки, вамъ нужно сначала освоить-
ся съ образомъ жизни обитателей этого дома;
иначе вамъ, пожалуй, будетъ и неловко и скуч-
но на нашихъ деревенскихъ Святкахъ; вы, по-
жалуй, вздумаете подсмѣиваться надъ нашими
невинными забавами, и этимъ глубоко огорчите
и смутите насъ. Да, вамъ необходимо пожить
хоть немного тою однообразною жизнью, кото-

своемъ дѣлѣ

улыбка
всего
всего

рою жилось намъ у бабушки, чтобы съ такимъ восторгомъ, какъ нашъ, ожидать зимняго праздника, и съ такимъ увлеченіемъ отдаться его незатѣйливымъ увеселеніямъ.

Вотъ какъ намъ жилось.

Всѣ мы еще до разсвѣта поднимались съ постелей—всѣ, начиная съ самой хозяйки и оканчивая послѣднимъ членомъ многочисленной дворни; по всему дому начинали трещать и щелкать затопленные и затапливаемые печи; бабушка, успѣвъ прежде меня и своихъ воспитанницъ умыться, одѣться и Богу помолиться, садилась, какъ водится, съ ножками на свое обыкновенное мѣсто — на мягкій диванъ; передъ нею ставили шумливый самоваръ и двѣ свѣчи, и приготовивъ чай, она ждала насъ... Мы не медлили: вставать такъ рано никому не казалось труднымъ, потому-что всѣ и ложились очень рано. Облобызавъ благотворительную руку бабушки и получивъ поцалуй въ щеку отъ ея милыхъ, хотя и жесткихъ устъ, я не думалъ долго и принимался истреблять ужасающія (но не ужасавшія) количества сдобныхъ лепешекъ, булокъ

а тѣмъ же
и тѣмъ же
и тѣмъ же

и тѣмъ же
и тѣмъ же

съ ма́сломъ, кусо́въ вче́рашняго сло́енаго пи-
рога́ съ ва́ре́ньемъ, и про́чаго и про́чаго, за-
пива́я все́ это ча́емъ съ гу́стѣйшими сли́вками,
къ кото́рымъ не забыва́лъ прибавля́ть еще́ и жи́р-
ныхъ пѣно́къ изъ о́собаго мо́лочника. Три дѣви-
цы, да и са́ма ба́бушка, е́сли не превосходи́ли
меня́ аппети́томъ, то ко́нечнo равня́лись имъ
со мно́ю.

Скоро́ проходи́ло вре́мя отъ у́тренняго ча́я до
за́втрака. (Ча́й, лепе́шки et caetera были са́-
ми по себѣ, а за́втракъ са́мъ по себѣ.) Я по-
свяща́лъ обыкнове́нно это вре́мя скака́нью въ
за́лъ со сту́ла на сту́лъ. Ни́кому и въ го́лову
не приходи́ло остано́вить меня́ и поса́дить де-
сятилѣ́тняго бо́лвана за дѣ́ло, за кни́гу; сомни-
тельно́ впро́чемъ, бы́лъ ли хо́ть о́динъ печат-
ный ли́стъ во все́мъ до́мѣ. Ни́кто рѣ́шительно
не забо́тился и о то́мъ, что я разу́чусь пи́сать
по дву́мъ ли́нейкамъ, забуду́ двѣ ба́сни Лафон-
тена и три ба́сни Кры́лова, кото́рыя зна́ю на-
изу́сть, не буду́ умѣ́ть отвѣ́чать на внеза́пный
вопро́съ: ка́кой мо́лъ гла́вный го́родъ въ Кита́й-
ско́й Импе́ріи? или: *льнтяй*—ка́кая ча́сть рѣ́чи?

или: восемью девять — сколько? Никому до всего этого не было дѣла. Весело дитя, здорово, рѣзвится, играетъ — и слава Богу! чего же еще больше? Бабушка если и слыхала встарь, что есть такія мудренныя науки, какъ географія, грамматика и ариѳметика, то конечно давно забыла.

Между тѣмъ, какъ я, не помышляя о вкушенной уже мною отчасти книжной премудрости, упражнялся въ гимнастикѣ, бабушка отдавала распоряженія по хозяйству, а барышни занимались своимъ туалетомъ: расчесывали и заплетали косы, одѣвались въ ситцевыя или холстинковыя платья. Къ чаю являлись онѣ въ спальныхъ чепцахъ, изъ-подъ которыхъ выбивались спутанные волосы, въ утреннихъ полинявшихъ капотахъ, съ накинутыми на плечи поношенными кацавейками, отороченными блѣднымъ подражаніемъ горностаю. Ужъ за завтракомъ видѣлъ я ихъ во всей красѣ, во всемъ уборѣ.

Пироги съ говядиной, съ капустой, съ морковью и яйцами, яичница, шипящая на огром-

Меня
ной сковородѣ — все это не казалось тогда тяжелой пищею моему желудку, что нисколько и не удивительно, какъ вспомнишь, что даже сама бабушка весь этотъ обильный завтракъ называла не иначе, какъ легонькою закуской. *Длину*

Если бъ я не страшился сдѣлать рассказъ свой похожимъ на поваренную книгу, хотъ напри- мѣръ вродѣ «Русской опытной хозяйки», то конечно рассказалъ бы съ достодожною по- дробностью содержаніе нашихъ деревенскихъ обѣдовъ и ужиновъ, и исчислилъ бы всѣ разно- образныя кушанья, которыя приготавливались еже- дневно на бабушкиной кухнѣ: отъ жирнѣйшаго супа съ курицей и потрохами, и до вареныхъ въ сахарѣ грушъ, съ такими густыми слив- ками, что въ нихъ довольно твердо можетъ стоять деревянная ложка. Но вкусивъ этихъ сладост- ныхъ яствъ моимъ вѣрнымъ воспоминаніемъ, я оставляю ихъ для читателя въ сторонѣ и раз- скажу только, чѣмъ наполнялись краткіе проме- жутки между многочисленными сельскими заку- сками. *длинно*

Послѣ завтрака бабушка принималась за чу-

локъ, и воспитанницы ея помѣщались около нея тоже съ какимъ-нибудь вязаньемъ или шитьемъ. Тутъ же сидѣлъ всегда и я, вырѣзывая изъ бумаги или изъ бересты лошадокъ, которыя больше походили на стулья, чѣмъ на лошадокъ, и слушая общій разговоръ старшихъ, не умолкавшій до тѣхъ поръ, пока дворецкій Давыдычъ, у котораго въ правомъ ухѣ моталась огромная серьга, а на темени сіяла отлично гладкая лысина, не являлся въ дверяхъ и не докладывалъ, что кушанье подано на столъ. О чѣмъ разговаривала бабушка со своими питомицами, я теперь рѣшительно не знаю; да и трудно мнѣ, признаюсь, понять, какъ находился у нихъ какой-нибудь предметъ для бесѣды: одинъ день проживался какъ другой. Нечего было толковать о вчерашнемъ днѣ: всякій зналъ, что онъ ни на волосъ не отличается отъ текущаго дня; нечего было разсуждать и о завтра: всякій зналъ, каково будетъ это завтра.

Какъ бы то ни было, а бабушка и воспитанницы ея разговаривали между собою и до обѣда и во время обѣда, а покушавъ, ложились спать...

Я никакъ не могъ приучить себя спать днемъ, хотя и свертывался всякій разъ въ клубочекъ гдѣ-нибудь на софѣ во время всеобщаго отдохновенія. Что за мертвая тишина поселялась во всемъ домѣ въ эти послѣобѣденные часы! Вслушиваясь въ это полное безмолвіе, я чувствовалъ въ маленькомъ сердцѣ своемъ что-то особенное — мнѣ было и хорошо, и жутко.

Но вотъ всѣ просыпаются. Въ комнатѣ бабушки опять шумитъ самоваръ, опять начинаются разговоры... А тамъ гранпасьянсъ и рукодѣлья... А тамъ и Оленька принимается стращать меня букой.

— Будетъ вамъ шить-то! Въ карты бы лучше поиграли, говоритъ бабушка.

И вотъ рукодѣлье въ сторонѣ, и начинается игра въ короли, въ которой участвую и я. Мнѣ весьма лестно играть съ барышнями; я сижу постоянно въ чиганашкахъ, но не унываю и съ особеннымъ удовольствіемъ плачу дань Оленькѣ, въ надеждѣ, что рано или поздно она выведетъ-таки меня въ принцы.

— А не пора ли ужинать?

— Пора.

Слѣдовательно пора и спать.

Вотъ и еще денекъ прожили — и слава
Богу!

V.

САШИНО ПИСЬМО.

Письмо отъ бабушкина воспитанника — Саши, какъ называла его сама Алёна Михайловна, или Александра Васильевича, какъ называли его барышни — было получено ровно за недѣлю до рождественскаго праздника, и со дня полученія служило ежедневно предметомъ домашнихъ совѣщаній и соображеній между бабушкою и ея воспитанницами.

Нечего и говорить, что для Саши была отведена и убрана одна изъ лишнихъ комнатъ дома, издавна необитаемая.

— А гдѣ, Танечка, письмо-то его? спрашивала всегда Алёна Михайловна, какъ только кто-нибудь хоть разъ произносилъ имя ея питом-

★

ца. — Посмотри-ка, милая, какъ онъ тамъ пишетъ.

— Онъ пишетъ, что къ Святкамъ будетъ, замѣчала Оленька.

— Знаю... да ты все таки посмотри, Танечка, какъ тамъ у него сказано. Вѣдь не Богъ знаетъ какой трудъ взглянуть. Письмо-то тамъ вонъ, кажется, за зеркаломъ.

За старою рамою большаго зеркала находился весь архивъ бабушки: туда помѣщались всѣ письма, получаемыя ею, разные счета, безграмотныя донесенія старосты, записки о бѣльѣ, отданномъ въ мытье, и прочее.

Танечка вынимаетъ сашино письмо и читаетъ:
«Я заранѣе блаженствую, дражайшая благодѣтельница моя, будучи въ надеждѣ, съ помощію Божіею, прибыть въ имѣніе Ваше ко дню святаго праздника Рождества Христова, и что могу вскорѣ возблагодарить Васъ за всѣ Ваши ко мнѣ благодѣянія. »

— Ну, тутъ ужъ другое идетъ.

— А перечти-ка, Танечка, все письмо сызнова: я ужъ и забыла что-то, какъ онъ тамъ

объ себѣ - то да обо всемъ пишетъ. Только не торопись ты, милая — попокладнѣе читай.

И Танечка принимается читать эпистолу офицера отъ начала и до конца.

Такое чтеніе повторялось каждый день до самаго пріѣзда Саши; и если бъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ Сашѣ пришлось запоздать двумя, тремя недѣлями, даже мѣсяцемъ, я увѣренъ, что всякое утро, между завтракомъ и обѣдомъ, Танечка прочитывала бы по разу вслухъ все письмо ожидаемаго гостя. И Танечка исполняла всегда съ удовольствіемъ желаніе бабушки (на лицѣ ея было это видно), хотя конечно она успѣла уже вытвердить письмо наизусть.

— Значить, онъ въ сочельникъ-то ужъ здѣсь будетъ, соображаетъ бабушка.

— Навѣрное будетъ, подтверждаютъ воспитанницы.

— Оно и хорошо бы: баня вотъ будетъ топиться; съ дороги-то въ баньку сходить.

Баня, точно, топилась въ сочельникъ, но Саша не могъ сходить въ нее, потому-что еще не пріѣхалъ. Всѣ мы успѣли такъ увѣрить себя,

что Са́ша непремѣнно пріѣдетъ въ сочельникъ, что непріѣздъ его въ этотъ день въ Кириловку сильно всѣхъ озадачилъ. Тѣмъ не менѣе всѣ мы легли спать въ полной надеждѣ, что проснувшись завтра, услышимъ вѣсть, что въ ночь гость прибылъ. Такой вѣсти никто однако не услышалъ на слѣдующее утро.

VI.

УТРО ПРАЗДНИКА.

Бабушка очевидно была недовольна, почти огорчена тѣмъ, что воспитанника ея нѣтъ. Это не помѣшало ей однакожь нарядиться въ особенно парадное шелковое платье, сшитое вѣроятно еще въ первые годы ея замужства. Барышни явились къ ней въ комнату расфранченные на диво: на нихъ были бѣлыя кисейныя платья, довольно крѣпко накрахмаленныя; на шеѣ у каждой по голубой шелковой косыночкѣ, и даже—вообразите—здоровыя талии ихъ были охвачены голубыми ленточными поясами. Кроме того, у Танечки и Катеньки головы, тщательнѣйшимъ образомъ припомаженныя и причесанныя, были прикрыты шелковыми же пес-

тренькими платочками, подвязанными подъ подбородкомъ восхитительными бантиками. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что въ комнатѣ бабушки не дѣлалось еще никакого приготовленія къ чаю, тотчасъ объяснили мнѣ, что бабушка собирается съ двумя старшими воспитанницами къ обѣднѣ въ сосѣднее село, верстъ за шесть.

— Отчего же ты не ѣдешь? спросилъ я у Оли.

— А мнѣ въ возкѣ мѣста не будетъ: бабушка оттуда привезетъ къ намъ погостить Шашеньку.

Я слыхалъ уже, что Шашенька — подруга и товарка кириловскихъ барышень, дочь сельскаго священника и дѣвушка очень веселаго нрава, а потому и былъ какъ нельзя болѣе доволенъ, что буду имѣть случай познакомиться съ нею.

— Возокъ поданъ-сь, сказалъ Давыдычъ, появляясь въ дверяхъ.

Немедленно на головѣ бабушки очутился теплый капоръ, а на плечахъ лисья шуба; барышни бережно, чтобы не помять прически, прикрыли головы толстыми и большими пуховыми платками и одѣлись въ мѣховые салопчики — и

обирается
девушка
Мнѣ

мы всѣ отправились къ прихожей, предшествуемые Оленькой съ двумя свѣчами въ рукахъ, потому-что было еще темно.

Проходя по гостиной и залѣ, я уже не боялся буки, зная, что утро близко, а утромъ ему нечего тутъ дѣлать: меня не испугаешь.

— Смотри не шали безъ меня, сочла нужнымъ сказать мнѣ бабушка, прощаясь со мной въ звонкой залѣ.

Какъ-будто при ней то я не шалилъ по мѣрѣ силъ и возможности!

— Я за нимъ смотрѣть буду, воскликнула веселая Оля, повертываясь на одной ножкѣ.

— Охъ нянька какая! замѣтила смѣясь бабушка:—за самой-то еще, попрыгуншкой, смотрѣть надобно. Ну, прощайте, прощайте; нечего въ переднюю-то ходить!

— Прощай, Оля! прощай, Миша! крикнули въ одинъ голосъ Таня и Катя.

— Прощайте, прощайте! едва успѣли отвѣтить Оля и я.

Дверь на крыльцо отворилась, и дохнувъ стужей въ прихожую, захлопнулась снова.

Хотела

by my sign
my name

огнем
инфолле
— Что жъ мы будемъ дѣлать безъ бабушки? спросилъ я у Оленьки, когда, едва поспѣвая догонять ее, прибѣжалъ за нею въ бабушкину комнату.

— А ничего, отвѣчала Оля, ставя свѣчи на столъ.

— Да вѣдь это скучно, сказалъ я: — она еще не скоро воротится.

— Ну, ступай спать!

— Я не хочу спать.

— Ну, такъ чего же ты хочешь?

— Ничего.

— А ничего, такъ и сиди-себѣ да жди!

Я сѣлъ, и Оленька сѣла.

— А что, Оленька, будемъ мы гадать сегодня?

— Мы... кто это мы? Ты что ли?

— Вотъ ты, Танечка, Катенька, Шашенька... ну, и я.

— А объ чемъ это ты-то станешь гадать?

— Да объ чемъ... я не знаю; объ томъ же, объ чемъ и ты.

— А объ чемъ я буду гадать?

— Не знаю.

— То-то и есть... Объ чемъ тебѣ гадать? Ты еще не выросъ; вотъ вырасти большой, такъ и станешь гадать.

— А объ чемъ же ты-то будешь гадать, Оленька?

— Какъ объ чемъ? Объ женихѣ.

— А развѣ тебѣ хочется жениха?

— Ну да, хочется.

— Зачѣмъ же?

— А затѣмъ, чтобы за него замужъ выйти.

— А зачѣмъ замужъ выйти?

— Чтобъ самой хозяйкой быть, чепчикъ носить.

— На что тебѣ чепчикъ, Оленька?... ты и безъ того такая хорошенькая!

Оленька не отвѣчала ни слова, только засмѣялась, словно не повѣрила мнѣ, что она въ самомъ дѣлѣ хорошенькая; потомъ, немного погодя, вскочила съ мѣста и поцаловала меня въ губы своими губками, свѣжими какъ лепестки только-что развернушагося цвѣтка—и вдругъ, какъ показалось мнѣ, покраснѣла. За нѣсколько

минуть до возвращенія бабушки Оленька позвала меня къ себѣ въ спальню, помазала мнѣ тамъ волосы розовою помадой и причесала ихъ своимъ собственнымъ гребешкомъ.

Бабушка пріѣхала домой съ тремя барыш-
нями.

VII.

ШАШЕНЬКА.

«Шашенька»... Вамъ можетъ-быть это имя не нравится? Въ такомъ случаѣ пеняйте на бабушку: это она его сочинила. Шашенька была такая же Танечка, какъ и старшая воспитанница Алёны Михайловны; имечко хорошее, но вѣдь легко сбиться: и это — Таня, и вотъ это — Таня... Надо было придумать какое-нибудь отличіе — и вотъ одна Танечка осталась Танечкой, а другую *всѣмъ* называли Шашенькой.

Съ перваго взгляда Шашенька показалась мнѣ не очень красивою, но потомъ я находилъ и ее хорошенькою дѣвушкой, хотя и не столь хорошенькою, какъ бабушкины питомицы. Я слишкомъ привыкъ къ бѣлымъ и румянымъ лицамъ

моихъ сожительницъ , къ ихъ русымъ косамъ , къ ихъ большимъ открытымъ глазамъ , чтобъ сразу почувствовать красоту дѣвушки, въ которой не было ничего похожего на кириловскихъ барышень. Шашенька была смуглая брюнетка съ лукавымъ носикомъ и насмѣшливыми губами; глаза у нея были черные, небольшіе, но яркіе и чрезвычайно бѣглые. Какъ бойка и полна жизни была фizioномія Шашеньки, такъ и все въ этой милой дѣвушкѣ — и слова, и голосъ, и движенія — отличалось энергіей.

Первое знакомство мое съ нею началось со сцѣны, которая сперва озадачила меня, а потомъ чрезвычайно развеселила, и съ этой минуты я началъ и къ Шашенькѣ чувствовать почти такую же симпатію, какъ къ бабушкинымъ барышнямъ — за исключеніемъ конечно Оленьки... (О, симпатія моя къ этой очаровательной рѣзвухѣ не можетъ сравниться ни съ чѣмъ!)

— Оленька, Оленька! здравствуй, душенька! весело кричала Шашенька, принимаясь почти душить Олю въ своихъ объятіяхъ и безъ устали цаловать ее въ лицо, не разбирая, что попадется

подъ ея губки — глазокъ ли Оленьки, щека ли, лобъ ли, носикъ ли. — Да ты никакъ выросла, а? А давно ли не видались!

— Полно ты, полно, Шашенька! что ты это? совсѣмъ меня затормошила. *Затормошила*

— Ничего, не бойся, я кусаться не стану. *Видишь*
Видишь, я какъ рада, что увидалась съ тобой — не то, что ты...

— Ахъ какая ты, Шашенька! Неужто еще *мечта*
я тебѣ не рада! Грѣхъ тебѣ это говорить.

— Ну ладно, ладно!.. А это кто? гость вашъ — Алёны Михайловны внучекъ?

— Да.

— Это внучекъ вашъ, Алёна Михайловна? спросила Шашенька и у бабушки.

— Да, милая, внучекъ — Миша, наденькинъ сынокъ.

Шашенька подошла ко мнѣ.

— Что это ты такимъ медвѣдемъ смотришь, а? спросила она, наклоняясь ко мнѣ съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Я только-что собрался раскрыть ротъ, чтобъ отвѣчать Шашенькѣ, еще самъ не зная, что

именно, какъ Шашенька вдругъ (вообразите крайнее мое изумленіе!) схватила меня за нось своими тоненькими пальчиками.

— Чей... ха, ха, ха!... чей нось? воскликнула она и разразилась самымъ яркимъ хохотомъ.

Смѣхъ
Въ смѣхѣ Шашеньки было такъ много обаятельнаго веселья, что изумленіе мое, при звукахъ его, какъ-разъ смѣнилось необычайно свѣтлымъ расположеніемъ духа.

— Ну что же ты не отвѣчаешь? Чей нось? чей нось? повторила Шашенька, и снова, какъ жемчугъ, сыпленный на серебряное блюдо, зазвучало ея «ха, ха, ха!»

— Савинъ, отвѣчалъ я самымъ серьезнымъ голосомъ, но улыбаясь.

— Гдѣ былъ? спросила Шашенька.

— Славилъ.

— А что выславилъ?

— Копейку.

— А гдѣ копейка?

— Калачъ купилъ.

— А гдѣ калачъ?

— Съѣлъ.

— Съ кѣмъ?

— Одинъ.

— Не ѣшь одинъ... ха, ха, ха!... не ѣшь
одинъ!

И Шашенька принялась теревить меня за носъ.

— Съ вами-съ, рѣшился-было я поправиться. *блать*

— Не ври... ха, ха, ха!... не ври!

И носъ мой продолжалъ обораиваться со стороны на сторону по волѣ шашенькиныхъ пальцевъ.

Вотъ начало знакомства моего съ Шашенькой.

Ну скажите мнѣ по совѣсти, можно ли было послѣ этого не почувствовать симпатіи къ этой брюнеткѣ?

VIII.

ВЕЧЕРЪ ПРАЗДНИКА.

Вскорѣ послѣ чая бабушкинъ внучекъ вошелъ вслѣдъ за тремя бабушкиными и одною постороннею барышнями въ дѣвичью.

За длинными столами на этотъ разъ, по случаю праздника, не сидѣло никого: вѣроятно всѣ горничныя бабушки справляли первый рождественскій вечеръ въ избѣ.

Комната озарялась только одною сальною свѣчей, порядочно нагорѣвшею, да угасающею уже печкой. У самой печки сидѣла, сложа на груди руки, нянюшка Ооминишна, и сладко дремала подъ мурлыканье сѣрой кошки, которая грѣлась тутъ же, свернувшись въ комокъ у ногъ старухи.

— Нянюшка, а нянюшка! крикнули почти единогласно четыре дѣвушки, становясь около Ооминишны.

Я долженъ замѣтить, что Ооминишну всѣ въ домѣ звали нянюшкою, хотя она рѣшительно никого въ это время не няньчила. Для меня осталось неизвѣстнымъ, съ какого именно времени начали ее такъ называть и кто былъ первый ея питомецъ.

— Нянюшка, а нянюшка! повторили барышни: — можно сегодня гадать?

Ооминишна вздрогнула, опустила руки на колѣни, посмотрѣла на дѣвицъ глупыми съ про- сонья глазами, и сказала, стараясь сдѣлать голосъ свой сердитымъ:

— Ахъ вы вострухи, вострухи! Вотъ перепугали-то меня... А я-было забылась малехонько.

— Можно сегодня гадать, нянюшка? спросили опять барышни.

— Гадать? сказала глубокомысленно Ооминишна.

— Да, да, гадать! крикнули въ одинъ голосъ двѣушки.

Старуха покачала головой.

— Ахъ вы молодятинка, молодятинка! проговорила она съ укоризной: — и одинъ-то денечекъ не терпится обождать.

— Такъ нельзя? спросила почти съ грустью Танечка.

— Нельзя? не менѣе грустно спросили Катенька и Шашенька.

Только Оля рѣшилась изъяснить сомнѣнiе и воскликнула очень бойко:

— Да не правда это, нянюшка!

Өоминишна съ досадою развела руками и потомъ ударила ими себя по тощимъ колѣнямъ.

какъ бы не такъ — Нат-ка-сь поди! произнесла она недовольнымъ голосомъ и особенно серьезно глядя на Олю: — яйца нонѣ умнѣй курицы стали. Сказано, нельзя.

Оленька немножко сконфузилась, а я очень разсердился на Ёоминишну за ея рѣзкій тонъ и преимущественно за то, что она сравнила Оленьку съ яйцами. Что себя-то назвала она

курицей, это мнѣ казалось вполнѣ справедливымъ: тонкій и погнутый немного внизъ носъ Ооминишны очень напоминалъ куриный клювъ, да и говорила-то она—словно курица клохчетъ.

— Когда же можно-то будетъ? съ нѣкоторой нерѣшимостью спросила разбитная Шашенька.

— Сказано, послѣзавтра, убѣдительно отвѣтила нянюшка, складывая руки свои опять на груди и повидимому намѣреваясь снова отдаться мирной дремотѣ.

— И играть по святочному нельзя? рѣшилась помолчавъ спросить Шашенька.

— Нельзя, нельзя! отвѣчала Ооминишна съ полнымъ сознаніемъ своего авторитета въ этомъ важномъ дѣлѣ.

И мы всѣ признавали авторитетъ Ооминишны, а потому и должны были умолкнуть. Въ самомъ дѣлѣ, не будь ея, кто бы сталъ руководствовать неопытную и несвѣдущую юность въ выборы и устройствѣ разныхъ святочныхъ увеселеній и гаданій, къ которымъ привязывали такое огромное значеніе свѣжо бившіяся сердца этой юности?

— Ну хоть загадочку загадай, нянюшка, сказалъ я, становясь противъ самаго носа Ооминишны.

При этомъ я наступилъ на лапу спящей кошки, и кошка жалобно замяукала.

— Ну что ты лѣзешь къ печкѣ-то? опалиться что ли хочешь, вертихвостъ?... И кошкѣ-то надо было лапу отдавить.

Я немного отодвинулся. *улыбка*

— Какую тебѣ еще загадку?... продолжала нянюшка.—Закину за грядку, въ годъ пуцу...

— Ты все старья загадываешь, нянюшка.

— А научи новымъ, такъ стану новья загадывать... Ну чего въ стѣну не воткнешь? *шутка*

— Мало ли чего, отвѣчалъ я, размышляя:— *никуда*
зиф
вотъ тебя не воткнешь.

— Ха, ха, ха! засмѣялись Шашенька и Оленька.

Омнишна — Вишь балагуръ какой, сказала Ооминишна, невольно улыбаясь. — Яйцо не воткнешь въ стѣну — вотъ что. Отгадать не умѣетъ, а тоже пристаётъ: загани да загани.

— Загадай-ка, нянюшка, намъ, сказала Катенька.

— Да вамъ-то что загадывать? Вы всѣ загадки знаете.

— Нѣтъ, нѣтъ, не всѣ, отвѣчали барышни.

— Ну что это такое, что безъ крыльевъ летитъ?

Барышни подумали, подумали, и Шашенька прежде всѣхъ отвѣчала:

— Вѣтеръ.

— Такъ, вѣтеръ буйный. А что это такое, что безъ ногъ бѣжитъ?

— Рѣчка, отвѣчала не думая Катенька.

— Пожалуй, что и рѣчка; а болѣ такъ отгадываютъ, что безъ ногъ-то бѣжитъ туча грозная. Ну, а что это такое, что безъ ранъ болятъ?

Это было должно - быть самый мудреный вопросъ изъ всѣхъ, предложенныхъ Ооминишною, потому-что барышни опустили головки и долго, долго не могли найти отвѣта.

— Это сердце что ли? спросила вдругъ Оля.

— Та-акъ. Молодецъ, Оля! Безъ ранъ болить сердце страстное... А и дай вамъ Господь николи этой болѣзни не вѣдать. *мысль*

— Отчего? сказала Оленька.

— А не скажу. Ну да полно вамъ меня, старуху, донимать. Шли бы къ бабушкѣ.

— А что, нянюшка, сказала Оленька:—чай, Устинья птичница еще не спить... вотъ хотъ бы ее позвать; ато скука ужасная. *долго ждала*

— Вотъ еще выдумала! отвѣчала нянюшка. — Да какая пора-то теперь?... вѣдь ужъ и вечеръ-то подъ исходъ, а она, только стемнѣетъ, спать ложится.

— А, можетъ, она не легла еще: вѣдь сегодня праздникъ, промолвилъ я, чувствуя непреодолимое желаніе познакомиться съ Устиньей птичницей.

— И ты туда же! Самому-то спать бы пора ложиться... Ну онѣ вонъ большія (Θоминишна указала на барышень); а ты-то что?

Впрочемъ черезъ нѣсколько минутъ Θоминишна прибавила: *сказала*

— А, пожалуй, можно спровѣдать... только

ужъ самой надо сходить... можетъ, и не спать... какъ послать кого другаго, такъ и не пойдеть. Да когда, чай, не спать?

— Сходи, нянюшка, сходи! воскликнули мы.

Какъ ни лѣнь было старухѣ тащиться изъ тепла на стужу, однако она отправилась за птичницей Устиньей. Впрочемъ зябнуть пришлось ей понапрасну: Ооминишна принесла намъ извѣстіе, что Устинья еще съ утра сегодня все жаловалась на поясницу да на спину, и еще до сумерекъ залегла на печь, прикрывшись полушубкомъ и спать теперь самымъ крѣпкимъ сномъ.

Нечего дѣлать, мы пошли къ бабушкѣ. Барышни сѣли за карты; на этотъ разъ я былъ исключенъ изъ ихъ партіи какъ лишній, а потому усѣлся за бабушкой на диванъ и смотрѣлъ черезъ ея плечо, какъ идетъ гранпасьянсъ, пока глазъ моихъ не сомкнулъ сонъ.

— Вставай: ужинать подали.

Я всталъ.

Сѣли за ужинъ. Всѣмъ было вѣрно скучно, потому-что всѣ молчали; только бабушка ча-

стенъко покачивала головой да говорила съ недоумѣніемъ:

— Нѣтъ какъ нѣтъ нашего Саши. Ужъ и не придумаю, что бы это значило.

IX.

УСТИНЬЯ ПТИЧНИЦА.

То же самое и съ тѣмъ же недоумѣніемъ повторяла бабушка за ужиномъ и на другой день; только я уже не сочувствовалъ бабушкиной тревогѣ такъ, какъ наканунѣ. Не о томъ я думалъ. Весь я былъ словно обвѣянъ какими-нибудь чарами; и чаровницей, околдовавшею меня, была Устинья птичница.

Извѣстность Устиньи птичницы основывалась на ея удивительномъ умѣньѣ сказывать сказки, до которыхъ бабушкины воспитанницы были страстныя охотницы. Вызвать ее на это было неочень легко: нужно было приняться просить ее въ такое время, когда она въ хорошемъ расположеніи духа и не жалуется на свои старческіе недуги, а подобное время выдавалось

Владимиръ Губинъ

*прислать
издѣл. Сибирск
муз. ин-та
информ.*

не часто. Впрочемъ единожды изъявля свое согласіе, старуха была неутомима.

Для того ли, чтобы времени попусту не тратить, или такъ, по привычкѣ, только сказывая свои сказки, Устинья никогда не обходилась безъ веретена и пряжи. Такъ и въ тотъ вечеръ, когда я впервые увидѣлъ ее, старуха (ей было навѣрное за семьдесятъ лѣтъ) явилась въ дѣвичью съ донцемъ, гребнемъ и льномъ подъ мышкой и съ веретеномъ въ рукѣ, хотя, кажется, о Рождествѣ можно бы и безъ работы побыть.

Молча и сурово поклонилась намъ старуха, придвинула къ затопленной печкѣ скамейку, приладила на ней свое донце, въ которое утвердила гребень со льномъ, и сѣла. Четыре барышни и я усѣлись какъ только можно было ближе къ старухѣ; горничная, провѣдавъ, что Устинья будетъ сказки сказывать, собрались всѣ въ комнату, и съ видимымъ любопытствомъ размѣстились тутъ, кто у стѣны, кто у стола, кто у печки, стоя и сложя руки одна на другую у себя подъ сердцемъ.

И цѣлый вечеръ тянулась длинная, длинная
нитка при гулѣ скачущаго веретена, и цѣлый
вечеръ тянулись длинные рассказы старухи, и
звучалъ ея старый голосъ какимъ-то фантасти-
ческимъ говоромъ.

Я какъ теперь вижу Устинью: ея сморщен-
ное желтое лицо, тусклые глаза, лобъ весь почти
завѣшенный прядями сѣдыхъ волосъ, тонкія и
блѣдныя губы, всю сгорбленную, тощую фигуру
ея, обтянутую узкимъ сарафаномъ изъ синей
крашенины. Опершись на ладони обѣихъ рукъ
подбородкомъ, вперивъ внимательные глаза въ
разсказчицу, я слушалъ ее, боясь проронить и
словечко, и трепетало и замирало мое сердце.

Дрова въ печи трещать, сыпя по временамъ
на полъ мелкія искры; вѣтеръ гудитъ въ трубѣ
и качаетъ въ саду длинныя ели, и ели бьются
своими иззябшими вѣтками въ замерзшія, узор-
чато-льдяныя стекла оконъ; кошка, свернув-
нувшись у печки въ комокъ, монотонно мур-
лычетъ; веретено прыгаетъ по полу, жужжить
и словно лепечетъ что-то; нитка свиститъ, про-
ходя между худыхъ и сухихъ пальцевъ ста-

рухи, — и ^{мат}подъ эти звуки, полные какого-то не-
отразимаго обаянія и таинственной прелести для
младенческаго сердца, сказка переплетается со
сказкою, не по часамъ, а по минутамъ растутъ
и вырастаютъ герои давняго туманнаго времени,
и смѣняются одинъ другимъ въ тихой, мѣрной,
непрерывно льющейся рѣчи, просто и ясно раз-
вивающейся въ чудные эпосы. По временамъ,
когда приходится выразить въ сказаніи чью-ни-
будь мольбу, чей-нибудь плачь, грусть неволи,
память старой свободы или безвыходное отчая-
ніе гибели, старуха уже не говоритъ, а тихо,
заунывно напѣваетъ, и этотъ ^{заунывный}разбитый голосъ,
поющей мѣрную ^{фантастическую}тоническую рѣчь, охватываетъ
всего меня тревогой.

Мнѣ случилось потомъ не разъ слушать ста-
рую Устинью, и всѣ сказки ея со всѣми мель-
чайшими ихъ подробностями вѣрно сохранила
моя память. И мнѣ стѣитъ только обратиться
мыслью къ сказочницѣ, чтобы всѣ фантастиче-
скіе образы и дивные герои ея разсказовъ пред-
стали передо мною какъ живые.

Вотъ и въ эту минуту... Словно вижу я, какъ

несется могучій конь съ могучимъ всадникомъ,
застилая хвостомъ поля, пропуская рѣки между
копытъ; облака ходячія недвижны надъ нимъ,
лѣса стоячіе назадъ уходятъ... какъ лежитъ уда-
лой богатырь на сырой землѣ, припалъ къ ней
ухомъ—и слышитъ погоню за собою; и плачетъ
царевна, сидя въ сѣдлѣ, и молить своего друга
помочь горю; и нѣтъ уже ни богатыря, ни ца-
ревны, ни коня, а стоитъ либо церковь съ ко-
локольной да со старымъ чернецомъ, либо из-
бушка съ колодцемъ да съ дровосѣкомъ... какъ
въ дремучемъ, непроглядномъ лѣсу разбойники
добычу дѣлятъ, рѣжутъ по локоть бѣлую руку
у красной дѣвицы, бражничаютъ и поютъ буй-
ныя пѣсни, или идутъ на кровавый пиръ съ
кистями да съ ножами... какъ сидитъ въ
темной избушкѣ царевичъ, что царевну свою
выручаетъ, и ждетъ часу ночнаго; и вотъ ле-
титъ къ избушкѣ двѣнадцатиглавый змѣй—летитъ
змѣй и пышетъ пламенемъ изъ двѣнадцати гор-
таней; да не робокъ царевичъ, и востеръ у него
ножъ, и душа его вольная праведна...

Умолкаетъ веретено, умолкаетъ говоръ ста-

рухи; только дрова попрежнему трещать да вѣтеръ гудить. Но вотъ Устинья почесала у себя за ухомъ веретеномъ, прицѣпила на гребень новую мочку, и опять начинаетъ прясть свою пряжу и рассказывать—о томъ, какъ тросточка лѣсная поетъ надъ могилою человѣчьимъ голосомъ о сестрѣ, загубленной сестрою за золотое монисто да за перышко фениста... о томъ, какъ Иванушка не послушался сестрицы своей Алёнушки, напился водицы изъ лужицы и сдѣлался козелкомъ — сгубилъ и себя и сестру... какъ потомъ плачетъ онъ и кличетъ сестрицу со дна рѣчнаго: хотятъ его, козла, колоть, блестятъ ножи булатные, шипятъ котлы кипучіе; и на мгновенье выглядываетъ изъ водъ головка утопленницы и грустной пѣсенкой отвѣчаетъ дорогому брату:

«Иванушка родименькой!

Не выплыть миѣ, не вынырнуть:

Горючъ камень ко дну тянетъ,

Люта змѣя сердце сосетъ.»

И впереди всѣхъ этихъ миѳическихъ образовъ, обступающихъ меня при воспоминаніи объ Устиньѣ птичницѣ, является мнѣ она сама, какъ одно изъ чудныхъ видѣній туманнаго сказочнаго міра.

рухи; только дрова попрежнему трещать да вѣтеръ гудить. Но вотъ Устинья почесала у себя за ухомъ веретеномъ, прицѣпила на гребень новую мочку, и опять начинаетъ прясть свою пряжу и рассказывать—о томъ, какъ тросточка лѣсная поетъ надъ могилою человѣчьимъ голосомъ о сестрѣ, загубленной сестрою за золотое монисто да за перышко фениста... о томъ, какъ Иванушка не послушался сестрицы своей Алёнушки, напился водицы изъ лужицы и сдѣлался козелкомъ — сгубилъ и себя и сестру... какъ потомъ плачетъ онъ и кличетъ сестрицу со дна рѣчнаго: хотятъ его, козла, колоть, блестятъ ножи булатные, шипятъ котлы кипучіе; и на мгновенье выглядываетъ изъ водъ головка утопленницы и грустной пѣсенкой отвѣчаетъ дорогому брату:

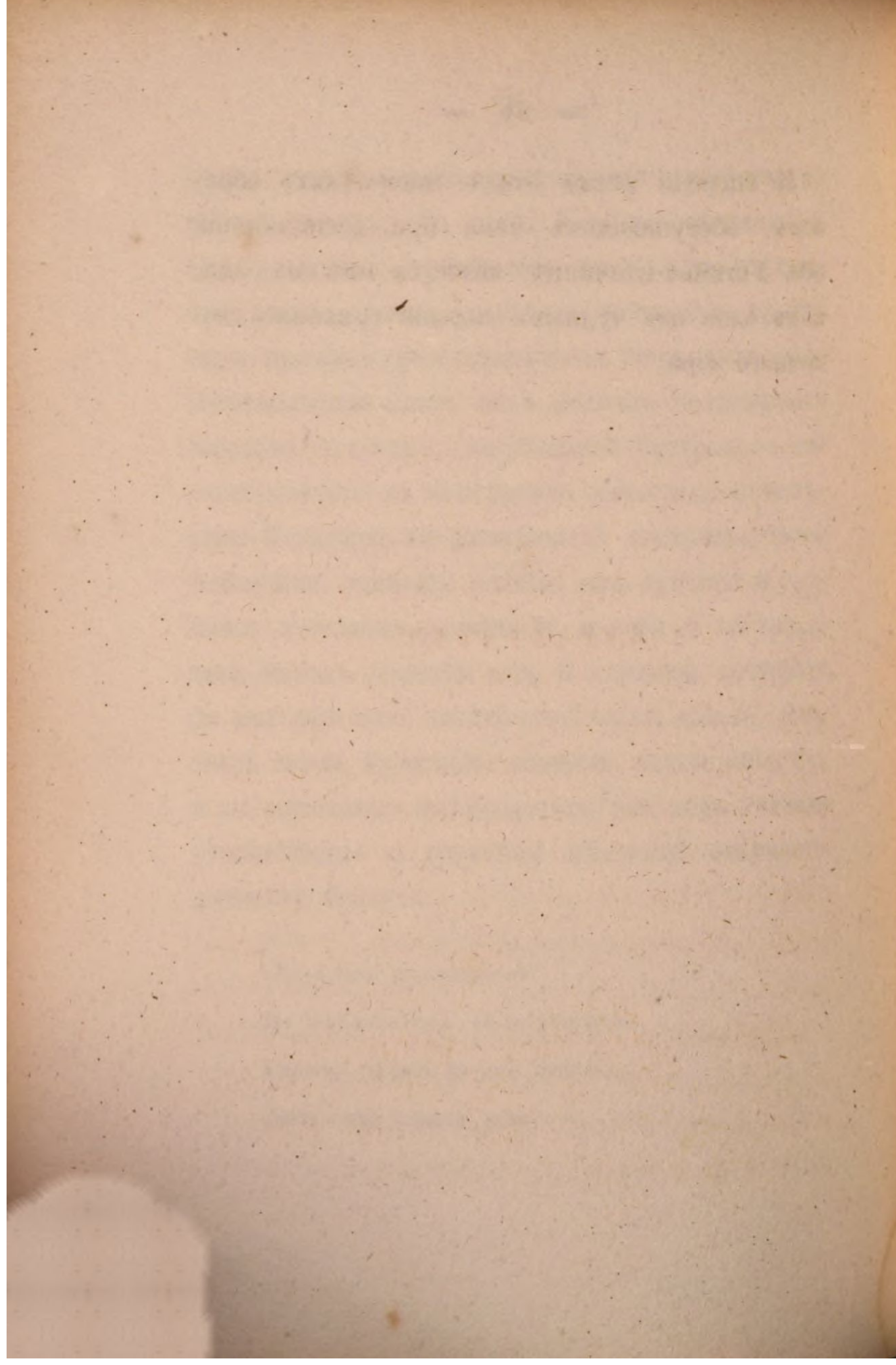
«Иванушка родименькой!

Не выплыть мнѣ, не вынырнуть:

Горючъ камень ко дну тянетъ,

Люта змѣя сердце сосетъ.»

И впереди всѣхъ этихъ миѳическихъ образовъ, обступающихъ меня при воспоминаніи объ Устинѣ птичницѣ, является мнѣ она сама, какъ одно изъ чудныхъ видѣній туманнаго сказочнаго міра.

Х.

КАРАКУЛЬКА.

— Ну что жъ вы, вострухи? сказала барышнямъ нянюшка Ооминишна вечеромъ того дня, когда, по словамъ ея, было можно и весьма прилично заниматься гаданьемъ. — Не въ пору-то приставали: «Что, нянюшка, можно гадать? можно гадать?» А какъ пришла пора, такъ никто ни гугу.

На эти слова отвѣчала изо всѣхъ дѣвицъ одна только Танечка—и отвѣчала очень невеселымъ голосомъ:

— Да что, нянюшка! и гаданье право на умъ нейдетъ... Алёна-то Михайловна совсѣмъ не по себѣ сегодня: беспокоится она все на-счетъ Александра-то Васильича.

Въ самомъ дѣлѣ бабушка нагнала на насъ всѣхъ тоску въ этотъ день своими опасеніями да печальными предположеніями относительно Саши. Къ вечеру она просто чуть не расхворалась; послѣ чая вздумала прилечь и соснуть, и вотъ мы всѣ явились въ дѣвичьей.

— А ну вотъ объ немъ-то и погадать! замѣтила смѣтливая Ооминишна.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! воскликнули барышни въ одинъ голосъ.

— Давайте-ка воскъ топить! проговорила нянюшка, и тотчасъ же отправилась за воскомъ, за кострюлькой и за мисой съ водой.

Барышни какъ-разъ повеселѣли и принялись уже составлять планъ, по которому предполагалось, погадавъ на воску о Сашѣ, погадать потомъ и о своей судьбѣ, а тамъ приняться и «золото хоронить».

Ооминишна скоро возвратилась со всѣмъ нужнымъ для гаданья.

— Ну-ка, дѣвыньки! обратилась она къ тремъ горничнымъ, которыя находились на ту пору

въ дѣвичьей и играли въ свои козыри:—спойте-ка пѣсенку!

— Какую, Марѳа Ѳоiminiшна? спросила рѣзкимъ голосомъ востроносая Ненила.

— А вотъ какую! сказала нянюшка, ставя кострюльку съ воскомъ въ печь на раскаленные угли, и затянула тоненькимъ, кисленькимъ голоскомъ:

«Слава Богу на небѣ!»

Дѣвки, барышни и я подхватили хоромъ:

«Сла — ава!»

Пѣсню допѣли, воскъ растопился, и нянюшка вылила его въ воду.

— Ну-ка, что вышло? повторяли барышни, тѣсняясь къ Ѳоiminiшнѣ, засучившей уже рукава и собиравшейся вынуть изъ мисы вылившуюся восковую фигурку.

— Подъ руку-то не толкай! обратилась она ко мнѣ: — увидишь.

Никто еще не успѣлъ ничего разглядѣть на тѣни, которую бросила отъ себя вынутая изъ мисы и поднесенная Ѳоiminiшною къ стѣнѣ фигурка, какъ Ѳоiminiшна уже воскликнула:

— Конь! Дорога, значитъ.

— Ахъ, да! да! точно! въ самомъ дѣлѣ! говорили барышни, разсматривая тѣнь восковой фигурки.

Одинъ я оказался на этотъ разъ скептикомъ.

— Да какой же тутъ конь, нянюшка? воскликнулъ я: — это просто какая-то каракулька.

— Самъ-то ты каракулька! отвѣчала съ досадою Ооминишна.

Тутъ и Оленька взяла мою сторону.

— Да это въ самомъ дѣлѣ, сказала она: — больше на лодку похоже, чѣмъ на коня.

— Ну, и ты туда же!.. вотъ бы съ Мишей-то на одну сворку связать. Правда, васъ и слушать-то никто не станетъ: ребята такъ ребята и есть.

Въ эту минуту дверь въ дѣвичью растворилась, и торопливо вошелъ Давыдычъ. Толстая серьга его тревожно колыхалась; лицо какъ-будто осовѣло: точно его съ просонья перепугали.

— Можно къ барынѣ войтить? быстро спросилъ онъ.

— А что? а что? съ безпокойствомъ воскликнули барышни и Ооминишна.

— Александра Васильчъ прѣхали-съ.

— Ахъ!

Это воскликнули рѣшительно всѣ присутствовавшіе.

— Что-о? съ гордостью спросила Ооминишна, обращаясь ко мнѣ и Оленькѣ: — каракулька?

Какъ было въ самомъ дѣлѣ не вѣрить послѣ этого гаданьямъ!

XI.

БАБУШКИНЪ ВОСПИТАНИКЪ.

Танечка тихими шагами вошла въ комнату бабушки (мы всѣ стояли у дверей), чтобъ извѣстить ее о пріѣздѣ дорогаго гостя.

Бабушка не спала.

— Ты это, Таня? спросила она, слыша, что въ комнату кто-то вошелъ.

— Я-съ, отвѣчала Танечка.

Катенька, Оленька, Шашенька и я тоже вошли.

— Что тебѣ, Таня?

— Александръ Васильичъ пріѣхалъ-съ.

— Полно ты!

И бабушка быстро поднялась съ подушки.

— Гдѣ же онъ? что же сюда нейдетъ? го-

ворила она дрожащимъ отъ радости голосомъ. —
Таня, бѣги, милая! веди его сюда поскорѣе!
Охъ, старость-то! сама бы пошла, да вотъ
разлежалась — и встать не могу.

Танечка побѣжала-было къ дверямъ, но въ
нихъ столкнулась лицомъ къ лицу съ Сашей.
Лица Давыдыча и Ѳоминишны выглядывали изъ
дверей.

Танечка сильно сконфузилась и вскрикнула
только :

— Ахъ-съ!

— Здравствуй, Саша! здравствуй, Саша! при-
вѣтствовала питомца своего бабушка.

— Здравствуйте-съ, Алёна Михайловна, ска-
залъ съ чувствомъ Саша, поспѣшно подходя къ
бабушкѣ и тоже сильно сконфуженный неожи-
даннымъ столкновениемъ съ Танечкой.

Послѣ долгихъ и звонкихъ поцалуевъ Алёны
Михайловны Саша могъ наконецъ произнести:

— Я запоздалъ немного-съ, Алёна Михай-
ловна: акапировка задержала.

— Ничего, мой милый, ничего. Слава Богу,
что живъ-то да здоровъ. Я вѣдь ужъ думала-

было, не случилось ли чего съ тобой. А и не узнать бы мнѣ тебя... какъ ты перемѣнился-то! какъ перемѣнился! Господи!

Сашѣ было не болѣе двадцати двухъ, трехъ лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, худощавъ, недуренъ лицомъ, черноволосъ и немного кудрявъ; молодые усы завивались у него въ тоненькія колечки.

— А что жъ ты, Саша, не узналъ развѣ старыхъ-то знакомыхъ? сказала бабушка. — Это вѣдь Таня!.. Танечка, поди сюда поближе! что ты тамъ стоишь?... Помнишь, чай, Саша—вмѣстѣ игравали...

— Ахъ, здравствуйте-съ, застѣнчиво произнесъ Саша.

— Ай да пріятель! ай да старинный другъ! воскликнула Алёна Михайловна, качая головою: — десять лѣтъ не видались, такъ и забыть ужъ успѣли, какъ въ старину, бывало, шагу не сдѣлають одинъ безъ другаго! И поцаловаться бы не грѣхъ.

Танечка вспыхнула до ушей; Саша тоже.

— Нечего краснѣть-то: коль бабушка гово-

рить, такъ ужъ значить можно. Ну-ка, ну-ка! Полно, Танечка, пятиться-то, не чужой чело-вѣкъ.

Танечка и Саша сошлись и поцаловались. Она еще болѣе покраснѣла, и потупила глазки, а онъ показался мнѣ чрезвычайно неловкимъ: просто, кажется, не знаетъ, куда съ руками дѣться.

— А Шашеньку узналъ, Саша?... спросила бабушка. — Отца Θεофила дочка... Тоже игра-вали вмѣстѣ.

— Какъ же, узналъ-съ, отвѣчалъ Саша (и непременно лгалъ). — Выросли только какъ.

И онъ подошелъ къ ручкѣ Шашеньки, что Шашеньку нимало не сконфузило.

— А вотъ этихъ никого не знаешь? продолжала бабушка, указывая на Катю, Олю и на меня. — Это Катя Прохорова... помнишь, въ Уфимской Консисторіи служилъ — часто еще ко мнѣ хаживалъ — Лука Павлычъ? Правда, гдѣ тебѣ помнить! А это вотъ Оля — Грушеньки Мордовцевой дочь... какъ на Кавказъ они съ мужемъ ѣхали, такъ я у себя оставила: дорога

дальняя, а она тогда еще крошкой была; ну, да и люди же они не богатые. А это вотъ олинъ пріятель—все вмѣстѣ въ карты играютъ—внучекъ мой, Миша наденькинъ...

Саша только молча раскланивался.

Впрочемъ вскорѣ, и именно за ужиномъ, онъ нѣсколько освоился съ нашимъ немалочисленнымъ обществомъ, пересталъ конфузиться и даже разговаривался.

На слѣдующій же день Саша сдѣлался окончательно своимъ человѣкомъ въ нашей семьѣ: будто онъ всегда съ нами жилъ. Онъ былъ довольно веселаго нрава, много рассказывалъ разныхъ забавныхъ анекдотовъ про себя и про своихъ товарищей, игралъ на гитарѣ, которую привезъ съ собой, и пѣлъ звучнымъ теноромъ пріятные романсы вродѣ: «Гусаръ, на саблю опираясь» и «Подъ вечеръ осени ненастной».

XII.

М О С Т Ъ.

Послѣ того изъ нашихъ деревенскихъ ужиновъ, за которымъ въ первый разъ присутствовалъ Саша, я, отправляясь спать, зашелъ въ дѣвичью за Ооминишной, обыкновенно укладывавшей меня въ постель, и прежде-чѣмъ Ооминишна взяла свѣчу и повела меня въ мою спальню, выслушалъ слѣдующій разговоръ между нянюшкой и Танечкой.

— Ну пожалуйста, нянюшка, говорила Танечка: — принеси же мнѣ свѣчекъ да наведи зеркало.

— Полно ты, лебедка, полно! Что попусту глазки-то трудить! А я тебѣ и такъ скажу, кто твой суженый...

— А кто?

— А съ кѣмъ сегодня цаловалась!

— Вотъ еще! сказала Танечка, и покраснѣла.

— Да ужъ быть дѣлу такъ — помяни мое слово. А теперь ложись-ка лучше съ-Богомъ почивать. Мостикъ вотъ, пожалуй, намощу тебѣ.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, нянюшка, намости мостикъ.

— Вотъ, кого увидишь во снѣ — кто переведетъ черезъ мостъ, тотъ тебѣ и суженый. А кому и быть, какъ не...

— Ну ужъ, нянюшка, опять ты за свое!

— А быть дѣлу такъ, быть дѣлу такъ. Ступай, голубушка, ступай, раздѣвайся; дай вотъ Мишу-то уложить... какъ уложу, такъ и приду.

Улегшись въ постель, я очень внимательно смотрѣлъ, какъ Ооминишна принялась строить на тарелкѣ, наполненной водою, мостъ изъ лучинокъ. При созерцаніи постройки моста меня очень страшила мысль, что какъ пойдетъ Ооминишна ставить свой мостъ подъ танечкино изголовье, я останусь совершенно одинъ въ комнатѣ, и тогда не защититъ меня никто отъ буки,

который безъ-сомнѣнія не пропуститъ возможности воспользоваться моимъ безпомощнымъ одиночествомъ. Однакожъ я не успѣлъ досмотрѣть и сооруженія моста — заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Утромъ на другой день Ооминишна не забыла спросить Таню, какой привидѣлся ей сонъ.

— А вѣдь ты, нянюшка, угадала, отвѣчала слегка улыбаясь Танечка. — Вижу я, будто по полю иду; вотъ иду, иду по полю — и подошла я къ рѣчкѣ, а черезъ рѣчку ту мостъ. Стала будто я у моста, да и говорю: «Кто меня, красную дѣвицу, черезъ мостъ переведетъ, тотъ мой суженый!» Вдругъ, отколь ни возмись, идетъ онъ... подошелъ, и беретъ меня за правую руку...

— Ну?

— Вотъ ужъ тутъ что дальше-то было, нянюшка, не помню: рукой должно-быть за голову бралась, какъ проснулась-то.

— А добрый сонъ, добрый! Какъ говорила я — такъ, знать, тому и сбыться.

XIII.

У КАЛІТКИ.

Круглый и блестящій катился по небу мѣсяцъ, дрожали и искрились частыя звѣзды, и не хуже звѣздъ искрился снѣгъ, охваченный крѣпкимъ морозомъ.

— Какъ холодно, Оленька! говорю я, поспѣвая съ нею къ калиткѣ.

Снѣгъ хруститъ подъ моими валенками; волосы успѣли уже заиндевѣть.

— Зачѣмъ же ты просился? Если бъ я знала— право не взяла бы.

— Да я это такъ говорю, Оленька; я не озябъ.

Звякнуло кольцо калитки; скрипнула и визгнула калитка — и отворилась.

Я жмусь къ Оленькѣ; она закутываетъ всего меня въ полу своего салопчика, оставляя на свободѣ чуть ли не одинъ мой носъ. Гляжу я—бѣлая снѣжная поляна широко раскинулась; темнѣя бѣжить по ней дорога къ лѣсу, угрюмо оцетинившемуся вдали; все пусто; не видать ни одного жилья: деревня по ту сторону двора. Слушаю я — и ни звука живаго не слышу; только въ ухѣ моемъ, приложенномъ къ оліной груди, громко и тревожно постукиваетъ сердечко дѣвушки.

Весело ли тебѣ, Оленька, жутко ли — я не знаю; только самому мнѣ становится очень жутко, и съ напряженнымъ вниманіемъ жду я чего-то страннаго, хоть и не страшнаго.

Посмотрѣла Оленька направо, посмотрѣла налево, и сказала громкимъ, пѣвучимъ, но немного дрожащимъ голосомъ:

— Залай, залай, собаченька! залай, сѣренькій волчекъ!

Когда Оленька говорила эти слова, я прижался тѣснѣе ухомъ къ ея груди, и вдругъ

мнѣ показалось, что сердце ея перестало биться.

У меня у самого захватило духъ.

Слушаемъ мы—и вотъ издали, едва внятный, слышится намъ хриплый вой. Не собаченька это лаетъ, а вѣрно просто голодный сѣрый волкъ въ лѣсу.

Ухъ, какъ заколотилось сердце у Оли! какъ застучало и мое сердчишко!

— Пойдемъ домой, сказала мнѣ дѣвушка.

Я молча согласился, и мы пошли назадъ, но уже не такъ поспѣшно, какъ шли къ калиткѣ.

— Что жъ это значить, Оленька? спросилъ я, полный какого-то таинственного волненія.

— А то, отвѣчала мнѣ Оля: — что будетъ у меня женихъ — старикъ и ворчунъ.

Слова эти произнесла она очень рѣзко — полусердито, полупечально.

Жаль мнѣ стало Оленьку.

— Вотъ бы тебѣ женихъ... началъ я.

— Кто это? тревожно прервала она меня.

— Да Саша.

— Выдумай еще! сказала Оленька такъ сердито, что я уже не смѣлъ продолжать.

Она схватила меня за руку, и мы взбѣжали на крыльцо.

Весь вечеръ пылалъ у нея на щекахъ самый яркій румянецъ, но она была невесела.

XIV.

КОМУ ВЫНЕТСЯ, ТОМУ СБУДЕТСЯ.

— Ёоминишна, сказала бабушка: — созови-ка нынче дѣвокъ сюда — пѣсни пѣть... Барышни-то вотъ позабавятся. Да что, старостина Маланья въ голосѣ?

— Въ голосѣ, сударыня, въ голосѣ, отвѣчала Ёоминишна. — Вчерась у ихнихъ-то вечеринка была, такъ тоже такъ-то заливалась пѣла.

— Вотъ ее непременно приведи. Да чтобы пѣли-то поладнѣе да поскладнѣе... пискушь-то не надо: Любовь вонъ купріянову, потапову Ёеклу... Да правда, ты и сама знаешь.

— Знаю, сударыня, знаю; какъ не знать? сказала Ёоминишна, и отправилась.

Часовъ въ шесть вечера, въ уютной и теп-

лой комнаткѣ бабушки стояло ужъ около стѣны двѣушекъ семь, восемь, въ праздничныхъ сарафанахъ, съ праздничными рукавами и вспотѣвшими шеями. Сложивъ руки, какъ слѣдуетъ порядочнымъ и скромнымъ дѣвицамъ, онѣ готовились затянуть тонкими голосами ту пѣсню, которую нужно; а какую именно нужно, про то знаетъ Ооминишна—недаромъ она стоитъ впереди дѣвокъ.

Барышни всѣ сидятъ нѣсколько поодаль; я пріютился на стулѣ Оли, и она обвила своею ручкой мою шею.

Бабушка на диванѣ; Саша у окна—курить, съ позволенія Алёны Михайловны, трубочку.

На столѣ передъ бабушкой тарелокъ десять съ вареньями разныхъ сортовъ, постилами, орѣхами, изюмомъ, пряниками. Я ужъ успѣлъ нагрузить карманы изюмомъ, и вынимая оттуда по ягодкѣ, наслаждаюсь какъ гастрономъ.

— Ну, Ооминишна, начинать бы, сказала бабушка, когда пѣвицъ обнесли медовымъ вареньемъ.

— «Славу», дѣвыньки! распорядилась Ёоми-нишна, и затинула:

«Слава Богу на небѣ!»

Тонкіе голоса грянули:

«Сла-ава!»

Саша отставилъ въ уголь трубочку, взялъ съ ближайшаго стула свою гитару и принялся акомпанировать на ней пѣнью, подпѣвая и самъ.

— Вы-то что же не подтягиваете? сказала бабушка барышнямъ.

Танечка бѣгло взглянула на Сашу, и запѣла тихимъ голосомъ; Шашенька, Катя и Оля запѣли слѣдомъ за ней. Голосъ Оли былъ такъ полнозвученъ и свѣжъ, что почти покрывалъ весь хоръ; но она безпрестанно останавливалась и начинала тормошить меня:

— Ты что же не поешь? Пой! полно ѣсть-то!

— Да я не знаю словъ, отвѣчалъ я.

— Ну такъ тяни!

Когда первая пѣсня была пропѣта, Ёоми-нишна вооружилась заранѣе-приготовленнымъ ею круглымъ глубокимъ блюдомъ, и пошла съ нимъ обходить всѣхъ присутствующихъ.

— Колечко ! говорила она каждому (или, лучше сказать, каждой) съ низкимъ поклономъ.

И каждая опускала въ блюдо колечко: у всѣхъ, и у крестьянскихъ дѣвушекъ, было по кольцу; только у меня нѣтъ. Это было мнѣ очень прискорбно; но меня утѣшила Оля: сняла съ своего мезинца тоненькій перстенецъ и дала его мнѣ. Я торжественно бросилъ его въ блюдо.

«Ужъ ты мати, мати, порода моя!»

затянула Ёоминишна, накрывъ блюдо большою салфеткой, и соединивъ концы салфетки подъ донышкомъ блюда, принялась сильно встряхивать его.

Кольцы запрыгали и забрякали.

«Сла-ава!»

грянулъ хоръ.

«Ужъ ты выгляни, мати, въ окошечко!

Слава!

И ты выкинь, мати, опушинку!

Слава!

Опуши ты ей ясна сокола...

Слава!

Ясна сокола — моего жениха!

Слава!»

— Ну-ка, Миша, иди, вынимай кольцо! сказала мнѣ бабушка.

— Мое вынь смотри! проговорила Оля.

Я подошелъ къ Ооминишнѣ. Она наклонилась ко мнѣ съ блюдомъ, приподняла немного салфетку, и я просунулъ въ блюдо руку; но Ооминишна принялась такъ встряхивать его, что я только послѣ долгихъ усилій успѣлъ поймать одно колечко.

— Чье кольцо? спросила нянюшка, взявъ у меня изъ рукъ колечко и приподнявъ его надъ головою. Барышни встали съ мѣстъ и подбѣжали къ Ооминишнѣ; Саша тоже подошелъ.

— Мое, сказала Танечка.

— Твое ли? спросила Ооминишна, подавая его Танѣ.

— Мое, мое.

— Ну, дѣло хорошее — къ свадьбѣ, сказала прозорливымъ тономъ нянюшка, заставляя Танечку краснѣть. — И еще первое кольцо вынулось!

Танечка наклонила голову, словно стараясь

скрыть свое смущеніе, и стала надѣвать кольцо себѣ на палецъ.

— А зачѣмъ же ты его надѣваешь? сказала Ооминишна.—Первому кольцу почетъ: можно и вдругорядъ въ блюдо положить. Дай-ка его сюды!

Танечка подала.

— Ну садитесь по мѣстамъ, проговорила нянюшка, становясь опять передъ хоромъ. — Дружнѣй, дѣвки, подхватывай!

«Ужъ какъ звалъ котъ кошурку къ себѣ...

Слава!

Ты иди, кошурка, въ печурку спать!

Слава!

У меня ль у кота есть скляница вина...

Слава!

Скляница вина, конецъ пирога...

Слава!

У меня ль у кота и постеля мягка.

Слава!

А кому мы спѣли, тому добро!

Слава!

Кому вынется, тому сбудется!

Слава!»

— Чье кольцо? воскликнула опять Ооминишна.

— Мое, отвѣчалъ Саша, взявъ его изъ рукъ старухи.

— Тоже къ свадьбѣ, пояснила Ооминишна.

— Да тутъ два кольца, сказалъ Саша.

— Вотъ на! какъ два? спросила нянюшка:—
а гдѣ же другое-то?

— Да другое вотъ въ моемъ завязло. Чье это кольцо?

— Это танечкино кольцо, крикнула Катенька.

— Неправда, сказала Танечка, и опять успѣла покраснѣть; но посмотрѣвъ, должна была прибавить: — Ахъ, въ самомъ дѣлѣ мое!

Ооминишна съ громомъ поставила блюдо на столъ, и разведя руками съ видомъ благоговѣнія предъ неисповѣдимостью судебъ, сказала, обращаясь къ бабушкѣ:

— Ну, матушка Алёна Михайловна, быть тутъ дѣлу хорошему... Немало годовъ на свѣтѣ живу, немало на своемъ вѣку и гадала и ворожила, а этакого случая никогда не доводилось видать. Какъ есть, сударыня, сама судьба— женихъ да невѣста.

Она указала на Таню и Сашу.

— А что жъ? сказала тихимъ, но радостнымъ голосомъ бабушка: — дѣло сбыточное; полюбились бы только другъ другу.

Въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе.

XV.

АЙ ДА БАБУШКА!

— Саша, подойди-ка ко мнѣ! сказала Алёна Михайловна, прерывая общее безмолвіе.

Саша, вертя въ рукахъ свое колечко, очень неловко подошелъ къ дивану.

— Ты, Саша, не пробовалъ еще этого варенья? сказала бабушка, подвигая къ нему одну изъ тарелокъ. — Отвѣдай-ка! сама, мой милый, варила — розовый цвѣтъ.

Когда Саша, поспѣшивъ надѣть свое кольцо на палецъ, наклонился съ ложкой къ варенью, бабушка шепнула ему:

— А что, по сердцу тебѣ будетъ Танечка? Ложка чуть не выпала изъ рукъ Саши; впрочемъ онъ попробовалъ розоваго цвѣта, обтеръ

губы платкомъ и молча, весь румяный, торопливо схватилъ руку Алёны Михайловны, и сталъ ее съ горячностью цаловать. Алёна Михайловна поцаловала его въ темя.

— Ну что? да что ли? спросила она потихоньку.

— Да-съ, Алёна Михайловна, проговорилъ Саша дрожащимъ голосомъ.

— Ну что, хорошо варенье? спросила бабушка во всеуслышаніе: — хорошо, Саша, а?

— Очень хорошо-съ, отвѣчалъ Саша, удаляясь опять къ окну.

— А что же ты, Ёоминишна, обратилась Алёна Михайловна къ нянюшкѣ, которая стояла понутивъ голову съ видомъ глубокомыслія: — что же ты вишневой постилы на столъ не подала? или вся вышла?

— Какое вышла, матушка! отвѣчала нянюшка: — надолго еще станеть; а просто на просто забыла я, дура—такъ совсѣмъ изъ ума вонъ. Прикажете принести?

— А гдѣ она у тебя?

— Въ кладовой, сударыня.

— А на которой полкѣ?

— Да какъ войдешь въ кладовую-то, такъ на правую руку, на второй полкѣ и будетъ, въ самомъ углу.

Бабушка спустила ноги съ дивана.

— Танечка, возьми-ка, милая, свѣчку да по-свѣти мнѣ: я сама схожу за постилой-то.

Танечка взяла свѣчку и пошла за бабушкой.

Всѣхъ поразило это происшествіе: Ооминишна пользовалась издавна полнымъ довѣріемъ бабушки, и бабушка никогда не ходила прежде сама въ кладовую. Всѣ чувствовали, что тутъ что-нибудь да недаромъ; всѣмъ было какъ-то неловко.

Саша принялся настраивать свою гитару, помѣстясь въ темномъ уголкѣ; Катенька и Шашенька, перешептываясь, брали по ягодкѣ съ тарелки и словно нехотя ихъ ѣли; Оленька стояла около меня и съ особенною нѣжностью гладила меня по головѣ; Ооминишна безмолвствовала и только потряхивала по временамъ блюдомъ, заставляя кольца прыгать и звенѣть.

Наконецъ это тревожное и смутное ожиданіе

Ооминишна

чего-то необыкновеннаго миновалось. Бабушка вошла со свѣчей въ рукѣ; руки Танечки, шедшей за нею, были заняты подносомъ, на которомъ впрочемъ находилась вовсе не вишневая постила, а бутылка съ наливкой и рюмка. Танечка шла потупивъ глазки; я все боялся за нее, что она уронить подносъ на полъ — такъ дрожали у нея руки.

— Поставь-ка на столъ, сказала бабушка, садясь на прежнее мѣсто:—да налей рюмочку!

Танечка исполнила приказаніе.

— А гдѣ же Саша? спросила бабушка.

— Я здѣсь-съ, Алёна Михайловна, сказалъ Саша, подходя къ столу.

— Что это ты, мой милый, въ уголь-то забился?... Ну-ка попотчуй его, Таня!

Таня стыдливо поднесла Сашѣ рюмку на подносъ.

— Я, Алёна Михайловна, не пью-съ, отвѣчалъ Саша, глядя на бабушку.

— Полно, пей знай! пей: это сладкое.

Саша выпилъ.

— Ну-ка налей теперь Танѣ рюмочку!

Красная какъ малина , взяла Танечка рюмку изъ рукъ Саши, и выпила только половину.

— Все, все, Таня! сказала бабушка.

Танечка все выпила.

— А поцалуйтесь-ка!

Не знаю, кто сконфузился больше—Танечка, или Саша, когда пришлось имъ поцаловаться въ присутствіи такого многочисленнаго собранія... Они поцаловались очень бѣгло.

— Поздравляю васъ , сказала бабушка, наливая себѣ рюмку:—тебя, Саша, съ невѣстой, а тебя, Таня, съ женихомъ.

И она заключила ихъ въ свои объятія.

— Поздравьте жениха съ невѣстой! произнесла бабушка торжественнымъ тономъ, обводя комнату веселымъ взглядомъ.

Барышни и я стали подходить къ Танѣ и Сашѣ.

Ооминишна, обратясь сіяющимъ лицомъ своимъ къ хору, шепнула что-то дѣвкамъ, и мы не успѣли еще рта разинуть, чтобы поздравить невѣсту и жениха, какъ комната огласилась громкою, дружною пѣсней:

«Ты взойди, взойди, солнышко!
Ты гори свѣтлѣй прежняго
У Танечки въ теремѣ,
У Ивановны въ изукрашенномъ!
У нея ль нонѣче будетъ пиръ
Молодому князю Александру-свѣтъ,
Александру-свѣтъ Васильичу.»

XVI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Дѣвичья свѣтла; за длинными столами сидятъ за шитьемъ, несмотря на праздникъ, бабушкины горничныя дѣвушки. Да и какъ не работать имъ въ праздникъ? Вѣдь онѣ работаютъ на добрую, хорошую барышню: шьютъ онѣ приданое Танечкѣ. Ужъ гремѣла, гремѣла бабушка ключами да замками своихъ сундуковъ, и немало выгрузила изъ тѣхъ сундуковъ разнаго добра, давно собраннаго и предназначеннаго Танечкѣ. И посмотрите, какъ, заставивъ горничныхъ шить, угощаетъ ихъ Алена Михайловна: сколько всякихъ сластей — пряниковъ, орѣховъ, маковниковъ—поставлено на тарелочкахъ да на блюдечкахъ передъ рукодѣльницами.

Весело сверкаютъ въ ихъ грубыхъ рукахъ иголки, и поютъ рукодѣльницы — поютъ однако что-то очень невесело.

Стою я облокотясь у одного изъ столовъ и прислушиваюсь къ заунывнымъ напѣвамъ и заунывнымъ словамъ пѣсень... и что-то не вѣрится мнѣ, чтобы правдивы были слова этихъ пѣсень. Не можетъ быть, чтобъ у Танечки, выходящей за такого красиваго, молодаго и добраго человѣка замужъ, подгибались отъ горя и страха скорыя ноги, опускались бѣлыя руки, ясныя очи мутились и горючія слезы катились. Правда, есть у ней слезинки въ глазахъ; но мнѣ кажется, эти слезинки выступили отъ радости. Правда, похожа она на лебедь бѣлую, отстающую отъ стада лебединаго; но непохожъ Саша на сѣраго гуся, и не для чего учиться ей кликать по-гусиному. И неужто же Саша, который такъ любитъ Танечку, который такъ нѣжно — посмотрите — цалуетъ ее, не защититъ ея отъ погодушки, отъ бурнаго моря синяго, отъ вихоря налетнаго? неужто увезетъ онъ ее въ ту чужую дальнюю сторонущку — дальнюю незнако-

мую, которая лютымъ горемъ вся изнасяна, вся слезами поливана, печалью огорожена; увезетъ къ чужому отцу, къ чужой матери, ко свекру, ко свекровушкѣ, къ недобрымъ деверьямъ, ко злымъ лихимъ золовушкамъ?... А чужіе-то отецъ съ матерью, поетъ пѣсня, безжеланные уродились: безъ огня у нихъ сердце разгорается, безъ смолы гнѣвъ раскипается...

Нѣтъ, ничему не вѣрю я въ этихъ пѣсняхъ: лгутъ онѣ безстыдно, клеветаютъ на добренькаго Сашу... А между-тѣмъ глубокая кручина, которою проникнуты онѣ, поневолѣ сообщается моему дѣтскому сердцу, и я обвожу глазами всѣхъ присутствующихъ, чтобъ узнать, такое ли впечатлѣніе произвели пѣсни и на нихъ.

Бабушка, перебравшаяся съ мягкимъ кресломъ въ дѣвичью, весело улыбается, глядя на жениха и невѣсту; Саша и Танечка, сидящіе рядомъ около бабушки, весело перешептываются; весело глядятъ и Катя съ Шашенькой, хотя съ губъ ихъ слетаетъ та же тоскливая пѣсня.

Оленька стоитъ около меня. Я взглянулъ ей въ лицо. Она положила свою ручку на мою го-

лову, погладила ее и потомъ приложила къ своему сердцу.

Поднявъ на Олю недоумѣвающіе глаза, я шопотомъ спрашиваю ее:

— Что съ тобой, Оленька?

Оленька не слыхала моего тихаго вопроса; она наклоняется къ самому лицу моему и говоритъ:

— Что?

И я опять шопотомъ спрашиваю у нея:

— Отчего это, Оленька, ты такая печальная?

— Такъ, говоритъ она, поднимая голову.

Алые губки Оли улыбаются; но изъ большихъ влажныхъ глазъ ея того и гляди хлынуть крупныя слезы.

К О Н Е Ц Ъ .

Michailowitsch, Michail

Swjatki

S. Peterburg 1854

P.o.rel. 3306

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036359-8